

Контроль за деятельностью псковских старообрядцев в XIX - начале XX вв.

Контроль за представителями старообрядчества в Псковской губернии осуществлялся на протяжении всего XIX в. и отличался двойственным характером: с одной стороны, «духовное увещевание» консистории, с другой - контроль светских властей. Одной из основных форм контроля за динамикой развития старообрядческих общин было периодическое составление списков представителей разных сект, которое контролировалось Министерством внутренних дел и гражданским губернатором. При этом оформление дел было достаточно жестко нормированным и строго контролируемым властями. Министерство внутренних дел пересылало директивы губернским властям, а те, в свою очередь, требовали отчета от подчиненных. Так, предписание губернатора Псковскому губернскому правлению от 12 сентября 1811 г. содержало сведения о том, что министр полиции от 26 августа текущего года предписанием за № 3 приказывает доставить к нему верную ведомость о находящихся во Псковской губернии старообрядцах: «с подробным означением имени каждого, и каких именно обрядов они придерживаются, дабы из сведений тех узнать можно было, умножается ли число оных или нет, о чем, как равно и о том, что для надлежащего по сему предмету исповедания всем господам городничим и нижним земским судам предписания от меня уже посланы».¹

Обратные отчеты имели также строго определенные формы; например, в 1811 г. к губернатору обращались в следующей форме: «Его величества действительному камергеру, Псковскому гражданскому губернатору и кавалеру, князю Петру Ивановичу». Причем фамилии губернаторов появ-

ляются в такого рода отчетах только в 40-е гг. В то же время обращения к лицам, замещавшим губернатора, были более свободными. Тогда же, в октябре 1811 г., встречаются несколько видов обращения к и.о. губернатора: «Его высокоородию, правящему должность гражданского губернатора Псковской палаты уголовного суда председателю».² Из тех уездов, которые были более осведомлены о происходивших в Пскове изменениях: «Его высокоородию господину статскому советнику Псковской палаты уголовного суда председателю, правящему должность гражданского губернатора Крыжову Федору Федоровичу».³

Все эти моменты свидетельствуют о пристальном внимании властей к контролю за старообрядчеством, ибо бюрократическая формальность всегда более присутствует в документах, находящихся под пристальным контролем властей.

Списки старообрядцев должны были содержать ряд обязательных сведений: например, место проживания (для крепостных крестьян еще и принадлежность к помещику), фамилию, (если есть), имя и отчество, возраст, пол. Кроме этого, в специальной графе необходимо было описать обряды, которых придерживаются верующие.

Во всех циркулярах подчеркивалось требование при составлении списков не причинять никаких неудобств лицам, заносимым в списки.⁴

В начале XX в. представления старообрядцев о собственных религиозных взглядах были весьма приблизительны. Например, порховские старообрядцы, по словам полицмейстера, сами не знают, каких обрядов придерживаются, а на все требования духовного правления определить свою религиозную принадлежность отвечали, что придерживаются точно таких взглядов, какие в Солецком посаде существуют, без вся-

Хришкевич Андрей Петрович - аспирант Российского государственного пед. университета им. А.И.Герцена

ких отличий.⁵ Более-менее определенные обряды приверженцев старой веры описываются только солецким полицмейстером. В частности, он говорит о том, что солецкие старообрядцы содержат секту, так называемую Федосьевскую, «но оснований оной никаких не имеют»,⁶ почему именно Федосьевская секта, они и сами с трудом понимают.

Чаще всего в отчетах дается описание только отдельных моментов религиозного культа. Так, в Печерах упоминаются правила беспоповского богослужения, которые составлены между самими старообрядцами. Первое правило - крещение младенца и погребение мертвых тел в учрежденной меж ними молельне от избранного самим собою наставника; второе - не ходить в церковь и не приобщаться святых таинств.⁷

Наиболее подробно особенности богослужения описываются в отчете солецкого полицмейстера. Он говорит о том, что, имея наставника, под руководством которого справляют службу по старинным славянским неисправленным книгам, отправляя утренние часы и вечерню, молятся крестом, складывая персты по-армянски. Не имея священников, таинства веры исполняют не все - только крещение без елеосвящения и миропомазания и мнимого ими исповедания и отпущения грехов. Это осуществляется мужчиной или женщиной только так, что младенца погружают в воду. А исповедь происходит следующим образом: старообрядец, осознав грехи свои перед наставником, по его приказанию кланяется земно народу во время службы и просит прощения. Наставником имеют простого и едва умеющего читать человека.

Не имея церковных браков, с точки зрения властей, считались преданными распутству. Особенно вызывало недовольство властей почитание старообрядцами христианским долгом укрывание беглых и беспаспортных. Странноприимство организовывалось как в моленных домах «наверху, под крышей», так и в вырытых в земле жилищах, «кельями именуемых», которые имели разные выходы. Нередко в одной семье супруги пользовались разной посудой, если

кто-то из них не принадлежал к данной религиозной общине. Кроме этого, сторонники старообрядчества оказывали явное пренебрежение представителям официальной церкви.

Особо отмечалось властями, что «распутная» жизнь и «мнимое» отпущение грехов привлекало в «секту» слабоумных, а также труднобольных, которых родственники, не спрашивая согласия, потаенно перекрещивают для «мнимого спасения». При этом власти отмечали, что старообрядцы воздерживаются от пьянства, заметно отличаясь от приверженцев официального православия.⁸

Солецкая община в целом заслуживает особого рассмотрения. На протяжении всего XIX в. это была самая крупная и самая жизнеспособная старообрядческая община. Это вызывало усиленное преследование властей. В 1811 г. община делилась на две части: одна располагалась в посаде Сольцы и включала 99 купцов мужского пола и 109 женщин купеческого сословия, а также мещан 154 мужского пола и 178 женского пола; вторая часть общины располагалась в селе Заборовье и включала 43 купца мужского пола и 49 купчих, 27 мужчин и 32 женщины мещанского сословия. Всего в общине было 688 человек.

К 1848 г. количество старообрядцев в общине увеличивается до 1075 человек; 244 человека относились к единоверческой церкви. Таким образом, несмотря на противодействие властей и «увещевания» официальной православной церкви, Солецкая община за 37 лет увеличилась почти в два раза, в то время как менее прочные общины прекратили свое существование. Например, в уездном Порхове в 1811 г. было 7 старообрядцев: 2 семьи и 2 вдовы преклонного возраста, а уже в 1848 г. порховский полицмейстер с гордостью рапортовал, что в Порхове старообрядцев нет.⁹

Социальный и семейный состав солецких старообрядцев также необходимо рассмотреть подробнее. В качестве контрольной точки возьмем 1848 г. В это время в старообрядчестве находилось 12 купеческих семей: Болотовы, Ванюковы, Грудинины, Замарины,

Королевы, Рядовы, Селюгины, Ивановы, Хрычевы, Шиловы, Шевелевы и Шветовы. Одновременно эти же фамилии встречаются и среди мещан: Ванюковы, Грудинины, Королевы, Рядовы, Селюгины, Ивановы, Хрычевы, Шиловы и Шветовы. Среди мещан встречаются также фамилии Жигачевых, Воробьевых и Пыжевых. Эти же фамилии встречаются в списках купцов-единоверцев, вместе с представителями уже упомянутых купеческих семей: Ванюковы, Рядовы, Хрычевы, Шевелевы, Шветовы, Пыжевы, Жигачевы, Воробьевы и Ульянихины.¹⁰

Таким образом, видна динамика формирования Солецкой старообрядческой общины. Купеческие фамилии на протяжении XIX в. продолжали составлять основу старообрядчества в посаде Сольцы, так как значительная часть членов купеческих се-

мей была не в состоянии поддерживать свой социальный статус и переходила в мещанство, сохраняя связи с родственниками - купцами и оставаясь старообрядцами.

Купечество в Псковской губернии составляло основу старообрядческих общин не только в Сольцах, но и в Печерах (семья Шенбурнских), Александровском посаде (Наврины), Верхнем Острове (Потаповы) и др. Это объяснялось большей свободой купеческого сословия по сравнению с другими податными сословиями Российской империи. Даже утрачивая статус принадлежности к гильдии, представители купеческих семей продолжали цепляться за свою веру как за некоторую свободу, привилегию, оставшуюся им от предков.

В целом по Псковской губернии в 1848 г. старообрядцы проживали в следующих уездах:

Название городов и уездов	Приемлющих священство		Беспоповских				Скопцов		Итого	
	м.	ж.	исп. браки		не исп. браки		м.	ж.	м.	ж.
			м.	ж.	м.	ж.				
г. Псков	10	9	97	117	-	-	-	-	107	126
Псковский у.	656	701	712	835	-	-	-	-	1368	1536
Островский у.	89	126	99	94	-	-	-	-	187	220
г. Опочка	-	-	16	17	-	-	-	-	16	17
Опочецкий у.	-	-	191	165	-	-	4	2	195	167
г. Новоржев	-	-	12	9	-	-	-	-	12	9
Великолукский у.	-	-	-	-	105	80	-	-	105	80
Холмский у.	-	-	-	-	29	38	-	-	29	38
Порховский у.	525	434	25	35	-	-	-	-	550	469
Того же уезда посада Сольцы	450	628	-	-	-	-	-	-	450	628

Данная таблица приведена из первого варианта отчета Псковского гражданского губернатора лично Николаю I.¹¹ Таким образом, контроль за вероисповеданием находился под контролем самого государства. Однако отчет, как и многие бюрократические бумаги, страдает стремлением приукрасить действительность.

Это видно из отнесения Солецкой старообрядческой общины Федосьевского толка к признающим священство. Кроме этого, цифры по Великолукскому и Холмскому уездам в окончательном варианте из графы не признающих браки и молитву за царя

переключают в графу «Исполняющие браки и молитву за царя».

Интересным является факт выделения Солецкого посада в отдельную графу, этим уже в то время подчеркивался особый статус данной старообрядческой общины.

В конце XIX в. контроль государства за вероисповеданием ослабевает и переходит в ведение консистории. В этот период преобладают отчеты благочинных различных округов, как официального православия, так и единоверия, а также отчеты миссионеров-священников, в обязанность которым вменялось увещевание старообрядцев.¹² Однако большин-

ство отчетов - это не что иное, как доносы священников на благочинных и единоверческих священников, по которым возбуждались служебные расследования, зачастую опровергавшие сведения, преподносимые в отчете.

Переход контроля в ведение архиепископа не означал отказа государственного аппарата контролировать вероисповедание, так как над церковью стоял

Священный Синод, являвшийся частью государственной машины.

В целом контроль за старообрядчеством в России и в Псковской губернии будет явно сохраняться до Первой русской революции, а негласно до окончания власти самодержавия. Да и Советская власть не будет оставлять без внимания стремление старообрядцев сохранять веру своих предков.¹³

Примечания

1. ГАПО, ф.20, оп. 1, д. 332, л. 2.
2. Там же. Л. 24.
3. Там же. Д. 334, л. 29.
4. Там же. Д. 1672, л. 48.
5. Там же. Д. 332, лл. 32-33.
6. Там же. Л. 48.
7. Там же. Д. 334, л.34.
8. Там же. Д. 332, л. 62.
9. Там же. Д. 1672, л. 44.
10. Там же. Лл. 54-55.
11. Там же. Л. 132.
12. Там же. Ф. 39, оп. 1, д. 6955, л. 2.
13. ГАНИПО, ф. 6, оп. 1, д. 165, л. 216.